11.08.98.

Шнитке Альфред

Моск. комсомолец — 1998. — 11 авг. — с. 3

РЕКВИЕМ ПО ДОКТОРУ ФАУСТУ

Его хоронили на восьмой день — понадобилось время, чтобы организовать перевоз тела из Гамбурга в Москву. Большой зал Консерватории, в котором так часто звучала музыка Альфреда Гарриевича и где он сам всегда сидел в шестом ряду партера, стал местом последнего прощания с великим композитором.

Вдова Шнитке, Ирина, не растерявшая своей красоты и элегантности даже в горе, за широкополой шляпой и темными очками скрывала заплаканные глаза. Рядом с ней все время находился их единственный сын Андрей. Удивительно, как любят распускать маразматические слухи, едва только смерть коснется знаменитой семьи. Зарубежные корреспонденты стали выдавать информацию о существовании некоего второго сына Шнитке, а также сына Ирины от первого (!) брака, который якобы оказался для Альфреда ближе собственного сына. Все это вздор. Семья Альфреда Гарриевича была с ним до последнего дня. И искреннее горе этих людей не мог затенить даже самый продуманный ритуал: ежеминутно сменяющийся почетный караул, в котором стояли коллеги Шнитке, преподаватели консерватории, кинематографисты.

Правительство отдает дань гению.

Старенькую интеллигентку, пытавшуюся положить к усыпанному цветами гробу свой скромный белый букет, оттеснили с объяснением: сейчас не время. Больше повезло Борису Березовскому, время которого никак не лимитировано. Прекрасный венок от Березовского — к гробу, поклон вдове, рукопожатие с сыном. Появился премьер Сергей Кириенко. И встал в почетный караул вместе с Натальей Дементьевой. Стали подходить друзья семьи Шнитке, люди, много работавшие с ним и любившие его: Мстислав Ростропович, Гидон Кремер, Геннадий Рождественский и Виктория Постникова, Белла Ахмадулина и Борис Мессерер, Юрий Любимов, Юрий Башмет, Виктор Ерофеев, Элем Климов, Владимир Дашкевич, Андрей Хржановский, Андрей Вознесенский, немецкий дирижер Курт Мазур, специально прилетевший в Москву на похороны.

Начались речи — бесспорно, искренние, но как они проигрывали рядом со звучавшей музыкой. Это замечательно сформулировал композитор Сергей Слонимский: "Смерть не слышит красноречия. Но музыка всегда слышна". Музыкальное слово Ростроповича действительно оказалось сильнее любых речей. Мстислав Леопольдович плакал. Скрипка Гидона Кремера, виолончель Наталии Гутман, рояль Виктории Постниковой и Владимира Фельцмана прощались с великим музыкантом и другом.

Но последнее слово сказал сам Альфред Шнитке — не тот, лежащий в гробу, белый, не похожий на себя, но тот, который ушел в бессмертие: гениальный шнитковский "Реквием" в исполнении хора капеллы Валерия Полянского стал финалом церемонии прощания.

Гроб вынесли из консерватории под аплодисменты — так принято хоронить Артиста. Вот и еще один гений не пожелал переступить в следующее тысячелетие.

Екатерина КРЕТОВА.
Фото Геннадия ЧЕРКАСОВА.

Похороны Артиста